

Как рассказать *Правду*?

В 1738 г., читая одну из летописных рукописей (как выяснилось позднее, *Академический* список *Новгородской первой летописи младшего извода*), В.Н. Татищев натолкнулся в ней на фрагмент, в котором опознал древнейший законодательный памятник Руси. «Памятник» читался в статье 1016 г. и имел заголовок «Правда руская». Татищев изъясил фрагмент из летописи и подготовил его к публикации в виде самостоятельного юридического источника.¹ То был текст, позднее идентифицированный как *Краткая редакция Правды русской*. Ни одно из задуманных Татищевым изданий так и не увидело свет. Но позднее *Краткая редакция* по его материалам была издана, став, таким образом, первым (и на долгое время единственным) средневековым юридическим документом, введённым в учёную традицию. Позднее, ближе к концу XVIII в., исследователи стали регистрировать и иные версии *Правды русской*. Они оказались гораздо более многочисленными, находились в составе различных сборников юридического содержания и представляли собой намного более обширный текст. Эти варианты получили совокупное название *Пространной редакции*, в которой опознали расширенную и позднюю версию *Краткой правды*. Впоследствии списки ещё одного вида были определены как *Сокращённая правда* (далее – СкП) для указания на их наиболее позднее происхождение и зависимость от *Пространной правды* (далее – ПрП).

Впрочем, вполне научного издания текстов *Правды* пришлось ждать более столетия. Несмотря на исследование Н.В. Калачёва 1846 г., только частично придерживавшегося подобной классификации,² разделение *Правды* на три редакции стало каноническим, окончательно окаменев к концу XIX в. благодаря влиятельным трудам В.И. Сергеевича, а также его публикации текста. Хотя в XX в. были предложены гораздо более изощрённые классификации списков (С.В. Юшковым, М.Н. Тихомировым и сотрудниками Б.Д. Грекова), учитывающие реальную передачу текста, разделение всех списков *Правды* на три группы

-
- ¹ О татищевских списках *Правды* и о работе Татищева над памятником см.: Гейерманс Г.Л. Татищевские списки Русской правды. *Проблемы источниковедения*. Вып. 3. М., Л., 1940, 164–165; Любимов В.П. Списки Правды Русской. *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*. М., Л., 1940, 31–32; Татищевские списки Правды. *Правда Русская*. Т. 2. *Комментарии*. М., Л., 1947, 821–822; Андреев А.И. Примечания В.Н. Татищева к «Древним русским законам». *Исторические записки*. Т. 36. 1951, 252–262; Валк С.Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В.Н. Татищева. Татищев В.Н. *Собрание сочинений*. Т. 7. *История Российская. Окончание*. М., 1996, 38–45.
 - ² См.: Калачёв Н.В. *Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды*. СПб., 1846. И в более позднем издании текстов *Правды* Н. Калачёв избегал подобной терминологии, предпочитая говорить о списках и фамилиях, а не редакциях, но фактически издавал текст *Краткой*, два текста *Пространной* и *Сокращённую* редакции, что можно было принять за хронологическую последовательность возникновения текстов (см.: Калачёв Н. *Текст Русской правды на основании четырёх списков разных редакций*. Изд. 4-е. СПб., 1889).

осталось фундаментальным способом различения её текста, что и отражено в большинстве опытов издания памятника.³ При том, что в трёхтомном академическом издании *Правды русской* (1940–1963 гг.) под редакцией Б.Д. Грекова, наиболее исчерпывающе отражавшем рукописный материал, был принят иной подход (при котором *Сокращённая правда* рассматривалась только как довольно поздний и производный вариант одного из видов *Пространной* версии), практически все публикации текста, включая наиболее употребимые – М.Н. Тихомирова и А.А. Зимины – придерживались устоявшейся схемы.

Эта классификация, таким образом, историческая, не текстуальная. «Редакции» были выделены не исходя из присущих текстам черт или особенностей передачи, но руководствуясь общими представлениями о том, как текст *Правды* должен был развиваться исторически – три редакции представляют собой три последовательные стадии древнего законодательства. То, что полагали достоинством такой классификации, на самом деле является её главным недостатком. Прежде всего потому, что «последовательные стадии древнего законодательства» оказываются лишь последовательностью, в которой тексты представляли на суд учёной публики и закреплялись в традиции. Если представить на минуту, что Татищев интересовался не летописями, но, скажем, Кормчими книгами, и открыл не *Краткую правду*, но *Пространную*, вся картина сегодня выглядела бы совершенно иным образом.

Устойчивый успех среди исследователей «трёхчастной» классификации обеспечило, вероятно, её соответствие ожидаемому порядку вещей в мире. Полагают (справедливо), что все общественные феномены развиваются от простого к более сложному и полагают же (ошибочно), что сохранившиеся тексты, документирующие эту эволюцию, непременно склонны развиваться от кратких к более пространным. Поскольку Русь двигалась от меньшего объёма права к большему объёму, существующие списки *Правды* должны отражать эту эволюцию. Чтобы создать впечатление ещё более плавного, но постоянного движения, *Краткую правду* (далее – КрП) разделили на *Древнейшую правду* (изданную Ярославом в 1016 г., первые восемнадцать статей) и *Правду Ярославичей*, изданную совместно Изяславом, Святославом и Всеволодом после смерти отца в 1054 г. Полагают, что после 1113 г. внук Ярослава – Владимир Мономах расширил КрП и дополнил её (уже от своего имени) рядом новых статей. Таким образом, возникло ядро ПрП. Ещё позже (в 1140-х и 1170-х гг.) ПрП была расширена.⁴ Таким образом, с социологической точки зрения текст *Правды* подчиняется интуитивно ожидаемой закономерности – он «нарастает» от более кратких к более пространным версиям.

Весьма удачно это убеждение сформулировал Саймон Франклин:

3 Историю ранних опытов изучения *Правды* см.: Daniel H. Kaiser, *The Growth of the Law in Medieval Russia* (Princeton, 1980), 29–33.

4 См., например: Richard Hellie, “Foreword: Russian Law from Oleg to Peter the Great,” *The Laws of Rus’ – Tenth to Fifteenth Centuries*, trans. and ed. by Daniel H. Kaiser (Salt Lake City, 1992), XVI–XVIII.

Последовательные редакции Руской правды демонстрируют расширение в течение XI и XII вв. сферы общественных деяний, ассоциируемых с княжеским письменным законодательством. КрП, начиная с общих положений уголовных преступлений, личного оскорбления и кражи, переходит к более конкретным расценкам штрафов в индивидуальных случаях: штрафов за убийство княжеского конюха, тиуна, смерда или холопа; штрафов за кражу лады, голубя, пса, козы, сена. [...] ПрП частично уточняет наказания за аналогичные проступки (подразделяя, например, различные виды увечий, полученных в драке), но также вводит дополнительные наказания за имущественные и общественные проступки. [...] Таким образом, разрастаясь, постановления также расширяют социальную и экономическую сферу своего применения.⁵

Как древнейший памятник восточнославянского законодательства, КрП черпает дополнительное обоснование в том, как её история нарративизируется в научных трудах при помощи соединения в единый непрерывный рассказ фрагментов различных летописных версий княжеского законодательства (чаще всего, *Новгородской первой* и *Софийской первой* летописей). Можно прочесть, например, что первую законодательную грамоту Ярослав издал для новгородцев в 1015/1016 гг. после известного мятежа в городе; затем, в 1019 г., по окончании гражданской войны, он преобразовал свою *Правду* в «основу письменного права для Киевского государства». В 1036 г. (став единоличным правителем) Ярослав издаёт дополнительные законы, вероятно, имитируя византийский образец императора-законодателя. Остаток КрП был издан в 1068/1072 гг. сыновьями Ярослава после знаменитого восстания в Киеве и борьбы за отцовское наследство. Под влиянием киевского восстания 1113 г. Владимир Мономах последовал традиции, уточнив, переработав и дополнив текст *Правды*.⁶ Отождествляя фрагменты КрП с известными из летописей случаями «издания» законов и также – с крупнейшими социальными конфликтами эпохи, исследователи снабжают КрП своего рода биографией, которая уже и сама по себе свидетельствует в пользу реального существования памятника.

Известно, что нарратив обладает объяснительными свойствами. Рассказанная история убедительна не потому, что хорошо рассказана, а потому, что таково свойство нарратива. Рассказ сообщает смысл происшедшему своей целостностью и единством. Составить разрозненные события в связный рассказ с

5 Simon Franklin, *Writing, Society and Culture in Early Rus, ca. 950–1300* (Cambridge, 2002), 156–157.

6 Предыдущее – краткое изложение истории *Правды*, представленное Ричардом Хелли (Richard Hellie, “Foreword: Russian Law from Oleg to Peter the Great,” xvii). Важно отметить, что исследователь сплетает в единый рассказ две различные версии, происходящие из летописей XV в.: *Новгородской первой* летописи младшего извода и *Софийской первой* летописи. Разумеется, в летописных упоминаниях случаев княжеского законодательства нет откровенной привязки их к социальной истории. Этот сюжет автор почерпнул из литературы советского периода, где любые законодательные инициативы власти рассматривались как вынужденная реакция на классовую борьбу и социальные взрывы. Наилучшее изложение подобных взглядов представляет собой глава Л.В. Черепнина о *Правде* в коллективной книге: *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965, где каждое новое издание *Правды* рассматривается как прямой ответ на народные восстания.

началом, кульминацией и завершением, вероятно, есть фундаментальная черта восприятия истории. Мыслить о прошлом в виде историй естественно для человека. Но прошлое само по себе не содержит историй, как не происходит в виде историй настоящее. Истории поэтому привносятся в прошлое исследователем, по своему усмотрению идентифицирующим начала, окончания и сюжеты рассказов.⁷

Легко продемонстрировать, что «биография» КрП – из этого разряда и, по существу, фиктивна. Дело не только в том, что она основывается исключительно на показаниях поздних летописей XV в., что само по себе нехорошо, но допускается не слишком строгими правилами дисциплины. (Хотя полная невозможность написать такую «биографию», основываясь на древнейших летописях, довольно красноречива). Дело в том, что эта «биография» уязвима в главных своих элементах даже для традиционной исторической критики.

Основная задача «истории» *Правды русской* – объяснить, как непритязательная грамота, предположительно выданная новгородским воинам в награду за верную службу, превратилась в общегосударственное законодательство киевских князей. Этой задачи рассказ достигает, но «негодными средствами». Присмотримся только к одному аспекту: как биография памятника «документируется» точными датами. Связь законодательства Мономаха с киевским восстанием 1113 г. (довольно правдоподобная⁸) зиждется исключительно на хронологическом указании ПрП: «по Святополце». Это, разумеется, означает «после 1113 г.», но, строго говоря, в любой момент до 1115 г. (смерти Олега Святославича, чей муж Иванко Чюдинович упомянут среди собравшихся в Берестовом). Ещё менее очевидна связь с восстанием 1068 г. Эту дату также извлекают из указания ПрП: «по Ярославе же паку», или КрП: «егда ся совокупил Изяслав, Всеволод, Святослав...». Разумеется, съезды князей происходили в каком-то определённом году (и почему бы не 1069?). Но дело в том, что указания *Правды* – не хронологические. Их задача – не обозначить время поправок к основному закону, но отметить новый источник права (нового князя, издающего закон).

Остальные даты в «биографии» – летописного происхождения. Здесь тоже не все благополучно. Если дата 1036 г. действительно содержится в *Софийской первой летописи*,⁹ то две наиболее важные даты – 1016 и 1019 гг. – представляют

7 В этих утверждениях, разумеется, легко угадывается влияние Хейдена Уайта, различавшего три плана: хаотическое «прошлое», хронологически упорядоченные свидетельства о прошлом («хроника») и нарратив, объединяющий свидетельства в осмысленную целостность, не обязательно тождественную прошлой реальности (см.: Hayden White, *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe* (Baltimore, 1973), 1–30). Если эти рассуждения кажутся слишком отвлечёнными и лишёнными практического смысла для историка средневековья, см., например: *Writing Medieval History*, ed. Nancy Partner (London; New York, 2005); *Narrative and History in the Early Medieval West [Studies in Early Middle Ages, vol. 16]*, ed. Elisabeth M. Tyler and Ross Balzaretto (Turnhout, 2006); Brian Stock, *Listening for the Past. On the Uses of the Past* (Philadelphia, 1990), авторы которых весьма плодотворно применяют идеи нарративизма.

8 Это предположение (конечно, по идеологическим мотивам) впервые выдвинул М.Н. Покровский. Сама автора впоследствии развенчали, а идея осталась неразвенчанной.

9 Речь там, впрочем, идёт о какой-то грамоте, по которой новгородцы должны были платить дань (надо думать, в пользу Киева): «[Ярослав] рекъ: по сѣи грамотѣ дадите дань» (ПСРЛ 15: 127).

собой, по существу, одну. Их происхождение текстологическое, не историческое: *Новгородская первая летопись младшего извода* (далее – НПЛмл) датирует окончание войны Ярослава со Святополком (и грамоту Ярослава) 1016 г., *Софийская первая летопись* (далее – С1) то же событие датирует 1019 г. Исследователей, кроме того, должно было бы смущать то обстоятельство, что под 1016 г. в НПЛ читается текст КрП, а под 1019 г. в С1 – текст ПрП. Вместе это должно, как кажется, намекать, что существует какая-то связь и дат, и текстов с историей новгородского летописания.

В КрП, разумеется, нет ни слова о порядке выплаты Новгородом дани Киеву и, следовательно, отождествить с приведённым свидетельством какой-либо фрагмент КрП невозможно. Если в сообщении *Софийской первой* летописи и позволительно видеть указание на какую-то реальную грамоту, то, конечно, не КрП. Впрочем, многие исследователи (И.А. Стратонов, С.В. Юшков, А.А. Зимин) полагали, что фрагментом такой грамоты, выданной Ярославом в 1036 г., может быть признана статья КрП-42 (Покон вирный). Исследователи, впрочем, различно толковали, Новгороду или Киеву выдана была такая грамота (обзор мнений см.: Зимин А.А. *Правда Русская* (гл. 4)). Увы, виры – не дань, но судебные штрафы, и, следовательно, «Покон вирный» никак не может быть частью податной грамоты.